

Сара Уотерс — автор настолько блестящий, что читатели готовы верить каждому ее слову.

Daily Mail

Маленький незнакомец

УОТЕРС

Содержание

Маленький незнакомец

Выходные сведения

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

Заблудшая девушка

БОЛЬШОЙ
РОМАН

Книги
САРЫ УОТЕРС,
выпущенные
Издательской Группой
«Азбука-Аттикус»

Тонкая работа
Маленький незнакомец

У С О Т Е Р А С

Маленький
незнакомец

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

Sarah Waters
THE LITTLE STRANGER
Copyright © 2009 by Sarah Waters
All rights reserved

Перевод с английского Александра Сафронова

Оформление обложки Виктории Манацковой

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

Уотерс С.

Маленький незнакомец : роман / Сара Уотерс ; пер. с англ. А. Сафронова. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2018. (Большой роман).

ISBN 978-5-389-14919-9

16+

Сара Уотерс — современный классик, «автор настолько блестящий, что читатели готовы верить каждому ее слову» (*Daily Mail*) — трижды попадала в шорт-лист Букеровской премии, в том числе и с романом, предлагающимся вашему вниманию.

Эта история с привидениями, в которой слышны отголоски классических книг Диккенса и Эдгара По, Генри Джеймса и Ширли Джексон, Агаты Кристи и Дафны Дюморье, разворачивается в обветшалой усадьбе Хандредс-Холл, претерпевающей не лучшие времена: изысканный парк зарос, половина комнат законсервированы, гостей приходится принимать в цокольном этаже, и вообще быть аристократом невыгодно. Что до действующих лиц, то предоставим слово автору: «Стареющая миссис Айрес, пленница ускользающего былого стиля жизни, ее почти безнадежно незамужняя дочь и израненный на войне сын. Я снабдила их юной служанкой по имени Бетти и мягким другом — доктором Фарадеем, который запутается в хитросплетениях их истории, набравшей жути и преобразившей его. В довершение я подселила к ним нечто вроде призрака...»

В 2018 году на экраны выходит экранизация «Маленького незнакомца», поставленная Леонардом Абрахамсоном («Комната», «Фрэнк», «Что сделал Ричард»), главные роли исполнили Донал Глисон, Рут Уилсон, Уилл Поултер, Шарлотта Рэмплинг.

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“, 2018

Издательство ИНОСТРАНКА®

*Моим родителям, Мэри и Рону,
и сестре Деборе*

Мне было десять лет, когда я впервые увидел Хандредс-Холл. Стояло послевоенное лето; Айресы еще были богаты и считались местной знатью. Отмечался День империи¹; в шеренге поселковых ребят я отдавал скаутский салют миссис Айрес и полковнику, которые шли вдоль строя, вручая нам памятные медали; потом мы с родителями уселись за длинные столы (кажется, на южной лужайке) и пили чай. Миссис Айрес выглядела года на двадцать четыре, двадцать пять, муж ее казался немного старше, а их дочке Сьюзен было лет шесть. Наверное, они представляли собой очень красивую семью, но запомнились смутно. Гораздо ярче воспоминание о доме, поразившем меня своим видом настоящего особняка. Помнятся детали благородной старины: обветшалый красный кирпич, пузырьчатые оконные стекла, объединенные непогодой угловые наличники. Все это лишало дом четких очертаний, делая его похожим на глыбу льда, слегка подтаявшую на солнце.

Разумеется, никаких экскурсий по дому не предполагалось. Двери и французские окна были открыты, но перегорожены лентой или тесьмой; если кому надо в туалет — пожалуйста в хозяйственный блок, где имелись уборные для конюхов и садовников. Однако у матери еще водились знакомцы среди слуг, и после чая, когда гости разбрелись по угожьям, через боковую дверь она тайком провела меня в дом, где мы немного пообщались с кухаркой и судомойками. Визит меня впечатлил необычайно. К кухне, расположенной в цокольном этаже, вел прохладный сводчатый коридор, чем-то напоминавший темницу в замке. По нему

сновала уйма челяди с корзинками и подносами. Судомоек ждала гора посуды, и мать, закатав рукава, взялась им помогать. К моему восторгу, в награду за ее труды мне разрешили полакомиться желе и «финтифлюшками», которые вернулись с банкета нетронутыми. Меня усадили за дощатый стол и выдали из хозяйского сервиза ложку — тяжеленную штуковину потемневшего серебра, едва ли не больше моего рта.

Однако меня ждала еще большая радость. Высоко на стене сводчатого коридора висела коробка, полная всяких проводков и звоночков; когда один такой звонок затрезвонил, призывая наверх горничную, она взяла меня с собой, чтобы я заглянул за зеленую суконную штору, разделявшую парадную и служебную половины дома. Веди себя хорошо и тихонько жди меня здесь, сказала горничная. Ни в коем случае не суйся за штору — если полковник или хозяйка тебя заметят, выйдет скандал.

Вообще-то, я был послушный ребенок. Но за шторой расходились два вымощенных мрамором коридора, полные удивительных вещей, и потому, едва служанка бесшумно скрылась в одном проходе, я отважно шагнул в другой. Меня охватил изумительный трепет. Я говорю не о страхе от незаконного вторжения, но о восторге, который дом вызывал во мне каждой своей деталью: отполированным полом, потемневшим от времени деревом стульев и шкафов, фаской зеркала и его резной рамой. Меня потянуло к безупречно-белой стене, украшенной гипсовым бордюром в виде желудей и дубовых листьев. Подобное я видел лишь в церкви и оттого после секундного раздумья совершил поступок, который сейчас мне кажется чудовищным: я попытался отломить один желудь; ничего не вышло, и тогда я поддел его перочинным ножом. Мной руководил не вандализм. Я не был злобным разрушителем. Просто, восхищаясь домом, я хотел обладать его кусочком...

вернее, мне казалось, что именно мое восхищение, которым, наверное, не проникся бы заурядный мальчик, дает мне на это право. Думаю, я был подобен юноше, жаждущему обладать локоном девушки, в которую он внезапно и безудержно влюбился.

Наконец желудь отвалился, но не так аккуратно, как хотелось, — вылез кусок дранки, осыпалась побелка. Помню, я огорчился. Видимо, рассчитывал, что желудь мраморный.

Никто меня не застукал. Дело-то, как говорится, минутное. Сунув желудь в карман, я шмыгнул обратно за штору. Через минуту появилась горничная; она отвела меня вниз, и мы с матерью, распрощавшись с кухонным персоналом, отыскиали в саду отца. Твердый кусочек гипса в моем кармане будоражил до тошноты. Я забеспокоился, что полковник Айрес, мужчина устрашающего вида, обнаружит ущерб и остановит праздник. Но гулянье беспрепятственно катилось до самых синеватых сумерек. Потом в толпе жителей Лидкота мы отправились в долгий пеший путь домой; над тропками кружили летучие мыши, словно подвешенные на невидимых ниточках.

Разумеется, мать нашла желудь. Я беспрестанно вытаскивал его из кармана, и на серых фланелевых шортах остался меловой след. Поняв, что это за странная штучка, мать чуть не расплакалась. Она меня не отшлепала и ничего не сказала отцу — на конфликты ей не хватало духу. В глазах ее стояли слезы, а взгляд выражал недоумение и стыд. Я ждал, что сейчас она скажет: «Такой умный мальчик должен понимать, что делает».

В детстве мне постоянно это говорили. Родители, дядюшки, учителя — всякие взрослые, кто заботился о моем будущем. Их слова меня бесили, поскольку, с одной стороны, хотелось соответствовать репутации умника, а с другой — казалось чрезвычайно

несправедливым, что мой ум, о котором я никого не просил, можно использовать как средство, чтобы меня прижучить.

Желудь был предан огню. Наутро в золе я нашел почерневший шишак. Все равно это был последний год величия Хандредс-Холла. Следующий День империи отмечался в большом доме другого семейства, а Хандредс потихоньку начал свой путь к упадку. Вскоре умерла маленькая Сьюзен, миссис Айрес и полковник стали меньше появляться на публике. Рождение их двух других детей, Каролины и Родерика, я помню смутно, ибо тогда уже учился в лемингтонском колледже, мне хватало собственных горестей и забот. Мать умерла, когда мне сравнялось пятнадцать. Оказалось, все эти годы у нее один за другим случались выкидыши, и последний ее угробил. Отец дотянул до окончания моей учебы и возвращения в Лидкот дипломированным врачом. Чуть позже умер полковник Айрес — кажется, от аневризмы.

С его смертью Хандредс-Холл еще больше замкнулся от мира. Парковые ворота почти всегда были закрыты. Крепкий каменный забор был достаточно высок, чтобы служить преградой. Любопытно, что ни с одной точки в округе громадный особняк не просматривался. Отправляясь по вызову, иногда я проходил мимо ограды и думал о затаившемся за ней доме, вспоминая, каким он предстал передо мной в тот день 1919 года: великолепный кирпичный фасад, прохладные мраморные коридоры, полные удивительных вещей.

Когда я вновь посетил этот дом — почти через тридцать лет после первого визита и вскоре после окончания другой войны, — перемены с ним меня ошеломили. Оказался я там по чистой случайности, ибо Айресы числились за моим напарником Дэвидом

Грэмом, но тот был на срочном вызове, и заявка семейства перешла ко мне. Сердце мое захолонуло, едва я въехал в парк. Прежде к дому вела длинная аккуратная аллея из рододендрона и лавра, но теперь неухоженный парк зарос, и моей маленькой машине пришлось продираться сквозь кусты. Одолев заросли, я выехал на полосу грубого гравия прямо перед домом и, ударив по тормозам, изумленно застыл. Конечно, дом был меньше того роскошного особняка, что сохранила память, но к этому я был готов. Меня ужаснули следы распада. Мило обветшалые угловые наличники местами напрочь отвалились, и нечеткий георгианский абрис дома стал еще сомнительнее. Разросшийся плющ изгваздал фасад и увял, повиснув спутанными крысиными хвостами. Сквозь щели в потрескавшихся ступенях широкого парадного крыльца буйно лезли сорняки.

Я выбрался из машины, но медлил захлопнуть дверцу. Хоть большой и вроде крепкий, дом выглядел ненадежно. Встретить меня никто не вышел; чуть помешкав, по хрусткому гравию я прошел к крыльцу и опасливо поднялся по растрескавшимся каменным ступеням. Стоял жаркий, совершенно безветренный летний день; я дернул косяную ручку звонка из потускневшей от старости меди и в нутре дома расслышал чистый, ясный перезвон. Следом раздался негромкий, но сердитый собачий лай.

Вскоре гавканье стихло, на долгую минуту наступила тишина. Потом справа послышалось неравномерное шарканье, и через мгновение из-за угла дома появился Родерик, сын семейства Айрес. Он подозрительно на меня сощурился, но заметил мой саквояж. Вынув изо рта размякшую самокрутку, он спросил:

— Вы врач, да? Мы ждали доктора Грэма.

Сказано это было весьма приветливо, но чуть вяло, словно мой вид его уже утомил. Я спустился с крыльца

и, представившись партнером Грэма, объяснил, что коллега на срочном вызове.

— Спасибо, что выбрались в воскресенье да еще в такую жуткую жару, — учтиво ответил хозяин. — Прошу сюда, так быстрее, чем через дом. Кстати, я Родерик Айрес.

Вообще-то, мы уже не раз встречались. Но он этого явно не помнил и на ходу небрежно сунул мне руку. Ощущение было странным: местами она казалась крокодильи шершавой, местами — необычно гладкой; я знал, что на фронте он получил ожоги рук и доброй части лица. Если б не рубцы, он был бы хорош собой: ростом выше меня и в свои двадцать четыре все еще по-мальчишески строен. Наряд его тоже был мальчишеский: рубашка-апаш, полотняные брюки, замызганные парусиновые туфли. Шел он неспешно и заметно хромал.

— Полагаю, вы знаете, зачем вас позвали? — спросил Родерик.

— Мне сказали, к одной из ваших служанок.

— К одной из? Мило! Бетти — наша единственная служанка. Кажется, у нее что-то с животом. — Он замялся. — Точно не скажу. Мы-то сами обычно обходимся без врачей. Простуды и мигрени переносим на ногах. Однако пренебрежение здоровьем слуг ныне считается тягчайшим преступлением, им следует уделять больше внимания, чем себе. Так что мы решили вызвать врача. Здесь осторожнее, пожалуйста.

Он показал на пяточок, где гравийная дорожка, бежавшая вдоль северной стены дома, обрывалась, сменяясь предательскими выбоинами и колдобинами. Я осторожно их обходил, любопытствуя глянуть на дом с другой стороны; увы, и там царило полное запустение. Сад превратился в крапивно-вьюнковую чащу. Из забитых водостоков шел явный душок. Большинство окон в засохших потеках скрывались за ставнями, и

только стеклянные двери, венчавшие обвитые вьюнком изящные каменные ступени, были открыты. За ними виднелась большая неприбранная комната: заваленный бумагами стол, край парчовой занавеси... Больше я увидеть не успел. Мы подошли к узкой боковой двери, и Родерик посторонился, пропуская меня вперед.

— Прошу, входите, — махнул он изрубцованной рукой. — Сестра внизу. Она проводит вас к Бетти и все расскажет.

Лишь позже, вспомнив о его искалеченной ноге, я сообразил: он не хотел, чтобы я видел, как он ковыляет по лестнице. А тогда я счел это бестактностью и молча прошел в дом. С улицы слышалось удаляющееся шарканье микропористых подошв.

Дальше я зашагал в одиночку, припоминая, что когда-то мы с матерью украдкой проникли в дом именно через эту узкую дверку. Я помнил голые каменные ступени, что вели в темный сводчатый коридор, так меня впечатливший. И вот снова огорчение. В памяти коридор выглядел как склеп или темница, а в жизни его блестящие оливковые стены напоминали полицейский участок или пожарное депо; каменные плиты пола прикрывала циновка из кокосовой соломки, в ведре кисла швабра. Поскольку никто меня не встретил, я тихонько вошел в приоткрытую дверь, за которой виднелась кухня. И вновь разочарование: я очутился в большой унылой комнате с грубо выскобленными прилавками и разделочными столами. Лишь старый дощатый стол, тот самый, за которым я уплетал желе и «финтифлюшки», напомнил о моем тогдашнем восторге. И только он нес признаки хоть какой-то жизни: на столешнице возле миски с помутневшей водой и мокрым ножом высилась кучка невымытых овощей, словно кто-то взялся за готовку, но отвлекся.

Я вернулся в коридор; видимо, скрипнул мой ботинок или зашуршала циновка, ибо вновь, на сей раз

угрожающе близко, раздался злобный собачий лай, а через секунду в коридоре возник старый черный лабрадор, готовый меня атаковать. Приподняв саквояж, я замер, но собака неистовствовала, пока в коридоре не появилась молодая женщина.

— Ну все, дурило, будет, — спокойно сказала она. — Плут! Хватит!.. Пожалуйста, извините. — Женщина приблизилась, и я узнал в ней Каролину, сестру Родерика. — Ведь знаешь, я терпеть не могу, когда ты беснуешься. Плут! — Она потянулась шлепнуть пса по заднице, и тот уgomонился. — Ты балда. — Каролина ласково потрепала его за уши. — Вообще-то, он трогательный. Думает, всякий чужак хочет перерезать нам глотки или стянуть фамильное серебро. А нам не хватает духу его известить, что все серебро сгинуло... Мы ждали доктора Грэма. Вы доктор Фарадей? Кажется, мы толком не знакомы?

Она улыбнулась и протянула мне руку. Ее рукопожатие было крепче и сердечнее братниного.

Прежде я видел ее лишь издали — на улицах Уорика и Лемингтона или на праздниках. Каролина была на два-три года старше брата, и я часто слышал, как ее характеризуют «доброй душой», «записной вековухой» и «умницей»; иными словами, она являла собой весьма невзрачную, излишне рослую женщину с толстоватыми икрами и лодыжками. При надлежащем уходе ее русые волосы казались бы красивыми, но я никогда не видел их уложенными — вот и сейчас они паклей свисали на плечи, словно их вымыли хозяйственным мылом и забыли расчесать. Вдобавок я еще не встречал женщину, так безвкусно одетую. На ней были мальчиговые сандалии и дурно сидевшее легкое платье, которое невыгодно подчеркивало ее широкие бедра и большую грудь. В профиль ее вытянутое лицо со светлыми глазами над выпиравшими скулами казалось приплюснутым. Пожалуй, лишь рот был хорош:

удивительно большой, красиво очерченный и подвижный.

Я объяснил, что Грэм на срочном вызове и потому их заявку передали мне. Каролина повторила слова брата:

— Спасибо, что потрудились приехать. Бетти у нас недавно, еще нет месяца. Ее родные живут за Саутгемом — слишком далеко, чтобы их дергать. Да еще, говорят, мать у нее непутевая... Вчера вечером Бетти пожаловалась на живот, утром лучше не стало, и мы решили не рисковать. Вы ее посмотрите? Она вон там.

Еще не договорив, Каролина зашагала на крепких ногах, и мы с псом двинулись следом. Наш путь лежал в комнату в самом конце коридора, где, вероятно, прежде жила экономка. Комната была меньше кухни, но, как и весь полуподвал, обладала каменным полом, высокими подслеповатыми окошками и стенами в казенной оливковой покраске. Обстановку составляли чисто выметенный узкий камин, обшарпанное кресло, стол и шкаф, в который с глаз долой убиралась кровать-раскладушка. Сейчас в ней лежало существо, облаченное в исподнее, то ли ночную сорочку, такое маленькое и щуплое, что поначалу я принял его за ребенка, но затем разглядел в нем подростка-недомерка женского пола. Увидев меня, девочка попыталась приподняться, однако бессильно упала на подушку.

— Значит, ты Бетти? — сказал я, подсаживаясь на кровать. — Меня зовут доктор Фарадей. Мисс Айрес говорит, у тебя болит живот. Как ты себя чувствуешь?

— Ой, доктор, шибко плохо! — Ее просторечье резало ухо.

— Тебя тошнит?

Она помотала головой.

— Диарея? Знаешь, что это?

Бетти кивнула, потом опять помотала головой. Я открыл саквояж.

— Ладно. Давай-ка тебя осмотрим.

Она чуть приоткрыла детский рот, позволив пропихнуть в него термометр, но вздрогнула и замычала, когда я, оттянув горловину сорочки, приложил холодный стетоскоп к ее груди. Коль она из местных, мы могли встречаться и раньше, скажем на школьных прививках, но я ее не помнил. Такие не запоминаются. Волосы блеклые, обкорнаны и на виске прихвачены заколкой. Лицо плоское, глаза серые, широко расставленные и, как почти у всех светлоглазых, бездонные. Щеки бледные, но чуть порозовели от смущения, когда я, осматривая живот, приподнял сорочку и явил на свет несвежие фланелевые панталоны.

Однако стоило мне коснуться живота выше пупка, как пациентка, охнув, вскрикнула и даже чуть ли не взвизгнула.

— Ничего, ничего, — успокоил я. — Где сильнее болит? Здесь?

— Ох! Повсюду!

— А как болит? Режет, ноет или печет?

— Ноет, а потом как зарежет! И еще печет! Ой! — Она снова вскрикнула и наконец-то широко открыла рот, в котором я увидел необложенный язык, чистую гортань и ряд мелких кривых зубов.

— Хорошо. — Я опустил сорочку и, помешкав, обернулся к хозяйке, в компании лабрадора беспокойно переминавшейся в дверях. — Мисс Айрес, вы не могли бы на минутку оставить нас вдвоем?

— Да, конечно. — От серьезности моего тона Каролина нахмурилась.

Толкнув пса, она вывела его в коридор. Когда дверь за ними закрылась, я убрал стетоскоп с термометром и защелкнул саквояж.

— Ну что, Бетти? — негромко сказал я, разглядывая бледную пациентку. — Возникла щекотливая ситуация.

За дверью мисс Айрес, которая вся исхлопоталась, чтобы тебя вылечить, а вот он я, который вовсе здесь не нужен.

Служанка на меня уставилась, и тогда я выразился яснее:

— Думаешь, у меня нет других дел, кроме как в свой выходной пилить за пять миль от Лидкота ради того, чтобы валандаться со скверной девчонкой? Вот возьму и отправлю в Лемингтон, чтобы тебе вырезали аппендикс. Ты здорова.

Бетти залилась краской:

— Нет, доктор, я хвораю!

— Признаю, ты хорошая актриса. Здорово вскрикиваешь и мечешься. Но когда я хочу посмотреть спектакль, я иду в театр. Кто мне платить-то будет, а? Знаешь, мой визит недешев.

Упоминание денег ее испугало.

— Мне худо! — с неподдельной тревогой сказала она.

— Взаправду! Вчерась меня тошнило. Шибко тошнило. И я подумала...

— Что неплохо бы денек поваляться в кровати?

— Нет! Неправда ваша! Мне впрямь было паршиво! Просто я подумала... — Голос ее набух, серые глаза подернулись слезами. — Я подумала... — запинаясь, повторила она, — коль я так занедужила... может, лучше побыть дома. Пока не оправлюсь.

Бетти отвернулась и сморгнула. Набежавшие слезы двумя прямыми струйками скатились по ее детским щекам.

— Так в этом все дело? Тебе хочется домой, верно? — спросил я, а девочка закрыла руками лицо и расплакалась.

Врач видит много слез, подчас весьма трогательных. Дома меня ждала куча дел, и мне вовсе не улыбалось, чтобы меня попусту от них отрывали. Но девочка была

такая молоденькая и жалкая; я дал ей выплакаться. Потом взял ее за плечо и твердо сказал:

— Ну все, будет. Рассказывай, что стряслось. Тебе здесь не нравится?

Из-под подушки Бетти достала мятый голубенький платок и высморкалась.

— Нет, не нравится.

— Почему? Работа очень тяжелая?

Девочка уныло дернула плечом:

— Работа нормальная.

— Ведь ты не одна все делаешь, правда?

Бетти помотала головой:

— Миссис Бэйзли работает до трех каждый день, кроме воскресенья. На ней стирка и готовка, на мне все остальное. Бывает, садовник заглянет. Мисс Каролина кое-что делает...

— Не так уж плохо.

Девочка не ответила, и я поднажал: по родителям соскучилась? Бетти скорчила рожицу. По мальчику? Она еще больше скривилась. Я взялся за саквояж и привстал:

— Ну, коль ты молчишь, я не смогу тебе помочь.

Лишь тогда она выговорила:

— Это все... дом!

— Дом? А что с ним?

— Ох, доктор, он какой-то не такой! Огромный! Полдня идешь, пока до места доберешься. И тишина такая, что мурашки ползут. Днем-то еще ничего, когда работаешь и миссис Бэйзли рядом. А ночью я одна-одинешенька. Не слышно ни звука! Страшные сны снятся... Все бы ничего, если б не надо было ходить по черной лестнице. Там столько закоулков, не знаешь, чего тебя ждет... Когда-нибудь с перепугу я окочурюсь!

— В таком чудесном доме? Тебе повезло, что здесь живешь. Ты об этом подумай.

— Повезло! — хмыкнула Бетти. — Да все подружки говорят, я спятила, коль пошла в служанки. Смеются надо мной! Ни с кем не вижусь, никуда не хожу. Все мои кухни устроились на фабрику. И я б пошла, да папка не пустил! Не нравится ему. Мол, все фабричные девчонки оторвы. А мне надо годок здесь послужить, выучиться домашней работе и манерам. Целый год! Вот ей-же-ей, помру от страха. Либо со стыда. Видели б вы жуткое старое платье и чепец, какие мне велят носить! Ох, доктор, это нечестно!

Она скомкала промокший носовой платок и швырнула его на пол.

— Господи, из-за чего сыр-бор... — Я поднял платок. — Год быстро пролетит, вот увидишь. А как повзрослеешь, он мгновеньем покажется.

— Сейчас-то я не старуха!

— Сколько тебе?

— Четырнадцать. Но здесь чувствую себя как в девяносто!

Я рассмеялся:

— Ладно, не дури. Что ж нам делать-то? Я должен как-то отработать свой гонорар. Хочешь, я переговорю с хозяевами? Уверен, они не желают тебе зла.

— Им нужно, чтоб я работала, и все.

— Может, мне связаться с твоими родителями?

— Умора! Мамаша шляется с мужиками, ей плевать, где я. Отец никудышный. Только и знает, что глотку драть. Целыми днями вопит и скандалит. Потом утихнет и ведет мать домой. И так каждый раз! Он потому и отдал меня в служанки, чтоб я не стала такой, как она.

— Тогда зачем тебе домой? Выходит, тут лучше.

— Я не хочу *домой*. Просто... сил моих нет.

Лицо ее потемнело в неприкрытом озлоблении. Теперь она казалась не ребенком, а кусачим зверенышем. Бетти заметила мой взгляд, и тень ее раздражения угасла. Ей снова было жалко себя — она всхлипнула и

прикрыла опухшие глаза. Мы помолчали, я огляделся в этом тусклом подземелье. Бетти сказала правду: полная тишина как-то придавливала. Прохладный воздух был странно тяжел, — казалось, ты чувствуешь над собой дом и даже крапивно-сорнячный хаос сада.

Я подумал о матери. Наверное, она была моложе Бетти, когда нанялась в Хандредс-Холл.

— К сожалению, дорогуша, иногда мы вынуждены мириться с тем, что нам не по нраву, — сказал я, вставая. — Такова жизнь, и снадобья от этого нет. Может, порешим так: ты весь день проведешь в постели, будем считать это каникулами. Я не скажу мисс Айрес о твоём притворстве, но пришлю тебе желудочную микстуру — посмотришь на пузырек и вспомнишь, как едва не лишилась аппендикса. И еще я непременно попрошу мисс Айрес сделать так, чтобы твоя жизнь здесь была чуть веселее. А ты дашь дому еще один шанс. Что скажешь?

Секунду Бетти сверлила меня своими серыми бездонными глазами, потом кивнула и печально прошептала:

— Спасибо, доктор.

Она отвернулась к стене, показав бледный загривок и маленькие острые лопатки.

Коридор был пуст, но пес услышал хлопнувшую дверь и вновь залаял; стуча когтями, он выкатился из кухни. На сей раз псина неистовствовала слабее, а вскоре успокоилась до того, что радостно позволила себя погладить и потрепать за уши. В дверях кухни возникла Каролина; пропуская полотенце меж пальцев, она вытирала руки, как заправская домохозяйка. За ее спиной я разглядел коробку с проводками и звоночками, по-прежнему висевшую на стене, — надменное устройство для вызова слуг к царствующим особам.

— Все в порядке? — спросила Каролина, когда мы с псом направились к ней.

— Легкие желудочные колики, только и всего, — не мешкая ответил я. — Ничего серьезного, но ваше решение вызвать меня было абсолютно верным. Когда нелады с животом, лучше перестраховаться, особенно в такую погоду. Пару дней не очень ее нагружайте, а я пришлю микстуру. И вот что еще... — Я понизил голос. — Мне показалось, она сильно скучает по дому. Не замечали?

— Вроде нет, — нахмурилась Каролина. — Полагаю, через какое-то время она обвыкнется.

— Как я понимаю, ночью она здесь одна? Наверное, ей одиноко. Она сказала, что боится ходить по черной лестнице...

— Ах, так вот в чем дело! — Взгляд Каролины прояснился и стал насмешливым. — Я думала, она выше подобной чепухи. Казалась весьма разумной девицей, когда пришла наниматься. Этих деревенских никак не разберешь: то цыплятам головы запросто сворачивают, а то бьются в припадках. Скорее всего, насмотрелась дурацких фильмов. Наш дом тих, но в этом ничего странного.

— Вам виднее, — помолчав, сказал я. — Но можно же как-то ободрить девочку?

Каролина сложила руки на груди:

— Может, сказки перед сном читать?

— Она совсем ребенок, мисс Айрес.

— Не бойтесь, мы ее не мучаем. Платим непосильное для себя жалованье. Ест она то же, что и мы. Ей-богу, во многом ей живется лучше, чем нам.

— Да, ваш брат говорил нечто подобное.

Реплика моя прозвучала холодно, и Каролина некрасиво вспыхнула: сначала покраснела шея, затем пошло пятнами суховатое лицо. Она отвела взгляд,

словно пытаюсь сдержать раздражение, и уже чуть мягче сказала:

— По правде, мы очень стараемся, чтобы Бетти здесь было хорошо. Понимаете, нам нельзя ее терять. Приходящая домработница делает, что может, но одной ей не справиться, а нанять служанку стало целой проблемой — автобус от нас далеко и все такое. Последняя горничная продержалась три дня. Это было еще в январе. До появления Бетти почти все я делала сама... Я рада, что с ней все в порядке. Очень.

Румянец постепенно сошел, но лицо ее обмякло, она выглядела усталой. За ее плечом виднелся кухонный стол с кучкой уже почищенных и вымытых овощей. Я перевел взгляд на ее руки и впервые заметил, какие они натруженные: короткие обломанные ногти, покрасневшие костяшки. Мне вдруг стало жалко эти, в общем-то, красивые руки.

Наверное, она перехватила мой взгляд, потому что, неловко потоптавшись, скомкала полотенце и кинула его в кухню, где оно приземлилось подле грязного подноса.

— Давайте я провожу вас наверх, — сказала Каролина, словно завершая мой визит.

Мы молча поднялись по лестнице; сопя и хрюкая, под ногами путался пес. У двери черного хода мы столкнулись с Родериком.

— Тебя мать ищет — интересуется насчет чая, — сказал он. — Привет, Фарадей. Диагноз поставили?

Учитывая, что ему двадцать четыре, а мне почти сорок, этот «Фарадей» меня покоробил. Прежде чем я успел ответить, Каролина шагнула вперед и подхватила брата под руку.

— Доктор Фарадей считает нас извергами, — сказала она, хлопая ресницами. — Дескать, мы гоняем Бетти в дымоход и прочее.

— А что, это мысль! — чуть усмехнулся Родерик.

— С девочкой все в порядке, — доложил я. — Легкий гастрит.

— Ничего заразного?

— Определенно.

— Однако мы должны подавать ей завтрак в постель и целыми днями всячески баловать, — продолжила Каролина. — Какое счастье, что я умею готовить! Кстати... — Она взглянула на меня. — Не убегайте, доктор. Если нет срочных дел, выпейте с нами чаю.

— В самом деле, оставайтесь, — все так же вяло поддержал Родерик.

Приглашение Каролины звучало искренне. Наверное, она хотела загладить нашу стычку из-за Бетти. Отчасти по той же причине, но в основном из-за возможности посмотреть дом я согласился. Хозяева расступились, пропуская меня вперед. Одолев последние ступени, я очутился в небольшой уютной прихожей с аркой, занавешенной зеленым сукном, куда в 1919-м меня привела добрая горничная. Каролина поддерживала медленно поднимавшегося брата, но в конце лестницы оставила его и небрежно отдернула штору.

Коридоры выглядели сумрачными и неестественно голыми, но в остальном все было так, как мне помнилось: дом раскрылся, точно веер, — взмыли потолки, каменные плиты сменились мраморным полом, казенная окраска стен уступила место шелку и лепнине. Тотчас я поискал взглядом бордюры, из которого некогда выломал желудь; глаза мои привыкли к сумраку, и я ужаснулся: казалось, после меня здесь побывала орда юных вандалов — местами лепнина целиком обвалилась, остатки же потрескались и выцвели. Да и вся стена выглядела не лучшим образом: немногие изящные картины и зеркала перемежались темными квадратами и прямоугольниками от снятых рам. Кое-где порванную муаровую обивку кто-то подлатал, заштопав, как носок.

Я ожидал сконфуженных извинений, но хозяйева повели меня сквозь разруху, нимало не смутившись. Мы двинулись правым коридором, куда свет проникал лишь сквозь дверные проемы комнат, расположенных по одной стороне; поскольку многие двери были закрыты, даже в нынешний солнечный день проход полнился глубокими озерами тени. Шлепавший по ним черный лабрадор то исчезал, то вновь появлялся. Под прямым углом коридор свернул налево, и там наконец-то возник размытый клин солнечного света, падавшего из довольно широко приоткрытой двери. Каролина поведала, что в этой комнате, издавна носящей имя «малой гостиной», они проводят большую часть своего времени.

Я уже понял, что в Хандредс-Холле термин «малый» весьма условен. Комната футов тридцати длиной и двадцати шириной имела несколько вычурный декор в виде лепнины на потолке, стенах и внушительном мраморном камине. Как и в коридоре, во многих местах бордюры потрескались, оббились, а то и вовсе рухнули. На взгорбившихся скрипучих половицах внахлест лежали ветхие дорожки. Продавленный диван был прикрыт клетчатыми пледами. У камина расположились два высоких кресла в потертой бархатной обивке, возле одного из них стояла цветастая ночная ваза с водой для собаки.

И все же в облике комнаты проглядывала неизбывная прелесть, словно увядшая красота на разрушенном времени лице. Здесь пахло летними цветами — душистым горошком, резедой, левкоем. Казалось, мягкий, чуть окрашенный свет пребывает в объятьях бледных стен и потолка.

Открытое французское окно выходило на еще одно изящное каменное крыльцо, спускавшееся к лужайке с южной стороны дома. На террасе миссис Айрес только что скинула сандалии и вталкивала обтянутые чулками

ступни в туфли. Она была в широкополой шляпе, которую поверху перехватывал светлый шелковый шарф, не туго завязанный под подбородком. Увидев мать, Родерик и Каролина рассмеялись.

— Мам, ты будто с картинки «На заре автомобилизма», — сказал Родерик.

— Точно! А еще похожа на пасечника! — подхватила Каролина. — Жалко, у нас нет ульев, был бы свой мед. Это доктор Фарадей из Лидкота, коллега доктора Грэма. Он закончил с Бетти, и я пригласила его на чай.

Скинув шарф на плечи, миссис Айрес сняла шляпу и протянула мне руку:

— Здравствуйте, доктор Фарадей. Наконец-то мы познакомились, очень приятно. Надеюсь, вы простите мой воскресный наряд — я садовничала... если наши дикие заросли можно назвать садом. Однако странно... — Тыльной стороной ладони она отвела со лба прядь. — В моем детстве воскресенье означало белые кружевные перчатки и лучшее платье, в котором ты сидишь на диване, боясь вздохнуть. Нынче же по воскресеньям ты работаешь мусорщиком и соответственно одет.

Ее скуластое сердцевидное лицо озарилось улыбкой, в красивых темных глазах промелькнул шаловливый огонек. Было трудно представить кого-нибудь менее похожего на мусорщика, чем эта холеная женщина в стареньком полотняном платье, над воротничком которого небрежно заколотые длинные волосы открывали изящную шею. Миссис Айрес перевалило хорошо за пятьдесят, но фигура ее сохранилась, а волосы остались такими же темными, как в тот день, когда она вручала мне памятную медаль и ей было меньше лет, чем сейчас ее дочери. То ли шарф, то ли великолепно подогнанное платье и движение стройных бедер под ним, но что-то придавало ей облик француженки, слегка противоречивший английскому виду ее белесых детей. Жестом она пригласила меня в

кресло у камина и сама села напротив. Я обратил внимание на ее лакированные туфли, темно-коричневые с кремовой полоской, явно довоенной выделки; на мужской взгляд, они, как всякая хорошая женская обувь, были подобны хитроумной безделушке и смущали своей излишней вычурностью.

На столике возле кресла кучкой лежали старомодные крупные перстни, которые миссис Айрес один за другим нанизала на пальцы. Шелковый шарф соскользнул на пол, и Родерик, неловко согнувшись, поднял его и обернул вокруг ее шеи.

— Наша мама как мальчик-с-пальчик, — сказал он. — Куда ни пойдет, повсюду оставляет за собой метки.

Миссис Айрес поправила шарф, в глазах ее вновь промелькнула озорная искра.

— Видите, как собственные дети меня обзывают? Чувствую, я окончу свои дни оголодавшей забытой старухой, которой никто не подаст даже стакана воды.

— Ах ты, бедняжка! Ну уж разок-другой косточку тебе подбросим, — зевнул Родерик, садясь на диван.

Неуклюжесть его движений бросалась в глаза. Заметив, что он сморщился и побледнел, я лишь теперь понял, насколько сильно его донимает искалеченная нога и как старательно он это скрывает.

Каролина отправилась готовить чай, забрав с собой пса. Миссис Айрес спросила о Бетти и была очень рада услышать, что с ней ничего серьезного.

— Мы доставили вам столько хлопот, — сказала она. — Наверное, вас ждут действительно тяжелые больные.

— Я семейный врач и в основном имею дело с сыпью и порезами.

— Не скромничайте. Удивляюсь, почему об умелости врача надо судить по числу его тяжелых пациентов? Как раз все наоборот, если уж так.

— Любой врач любит иногда повозиться с трудным случаем, — улыбнулся я. — В войну я долго работал в

военном госпитале в Регби. Скучаю по тем временам. — Я взглянул на Родерика, который, достав из кармана жестянку с табаком и бумагу, скручивал сигарету. — Мне доводилось заниматься массажем, электротерапией и прочим.

Родерик хмыкнул.

— Когда я разбился, мне хотели назначить что-то подобное. Все некогда, по дому дел полно.

— Жаль.

— Наверное, вы знаете, что Родерик служил в авиации? — спросила миссис Айрес.

— Да. Как я понимаю, бывали в переделках?

— Из-за этого так решили? — Родерик выставил изуродованное лицо. — Нет, в основном я летал на разведку, так что особо похвастать нечем. Как-то раз неудачно сгоняли к южному побережью — нас сбили. Второму пилоту, бедняге, не повезло еще больше, ему и штурману. Я отделался вот этой красотой и разmozженной коленкой.

— Сочувствую.

— Думаю, в своем госпитале вы видали кое-что похуже... Черт, какой я невежа! Желаете сигарету? Я смолю так часто, что уже сам этого не замечаю.

Взглянув на его кошмарную самокрутку (студентами мы называли ее «гробовой гвоздь»), я отказался. В моем кармане лежали приличные сигареты, но я не хотел оконфузить Родерика и просто покачал головой. К тому же мне показалось, что предложение закурить было лишь поводом для смены темы.

Видимо, миссис Айрес подумала о том же; она бросила на сына обеспокоенный взгляд и, улыбнувшись, обратилась ко мне:

— Война кажется такой далекой, правда? А всего-то два года прошло. Знаете, одно время у нас квартировали военные. После них в парке остались всякие странные штуки — колючая проволока, железяки, — и все

заржавело, словно лежит уже целый век. Бог его знает, сколько еще проживем без войны. Я перестала слушать новости, слишком тревожно. Похоже, миром правят ученые и генералы, которые играют бомбами, точно мальчишки.

Родерик чиркнул спичкой.

— Здесь мы в безопасности, — сказал он, зажав во рту сигарету, вспыхнувшую слишком близко к его обожженным губам. — У нас тут первобытный покой.

По мраморному полу коридора защелкали, точно костяшки счет, когти Плута, которым вторили шлепки сандалий Каролины. Пес носом открыл дверь, что, видимо, ему было привычно — косяк засалился от собачьей шерсти, а нижняя филенка прелестной старинной двери несла на себе следы когтей лабрадора или его предшественников.

Каролина вошла с подносом, на вид тяжелым. Родерик ухватился за подлокотник дивана, пытаясь встать и помочь ей, но я его опередил:

— Позвольте мне.

Взгляд Каролины выразил благодарность — не столько за себя, сколько за брата, — но она сказала:

— Ничего. Я же говорила, мне привычно.

— Ну, я хоть стол расчищу.

— Нет, я сама! Когда придет время зарабатывать на жизнь официанткой, я должна знать, как это делается... Плут, не суйся под ноги!

Она пристроила поднос на заваленный книгами и бумагами стол, разлила и подала нам чай в чашках старинного тонкостенного фарфора. Я заметил, что те, у которых ручки были подклеены, достались ее родным. Затем мы получили тарелки с фруктовым кексом, нарезанным тончайшими ломтиками, что говорило о попытке выжать все возможное из его весьма скудного запаса.